

ПИСАТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬ

Х. БИРНБАУМ, Р. РОМАНЧУК

Кем был загадочный Даниил Заточник?

(К вопросу о культуре чтения в Древней Руси)

Вопрос, как он поставлен в заглавии нашей статьи, написанной в честь академика Дмитрия Сергеевича Лихачева — крупного специалиста по древнерусской литературе (в том числе целого ряда не решенных до сих пор проблем, относящихся к «Слову» и «Молению Даниила Заточника»), не совсем точно сформулирован. Дело в том, что на поверхностном уровне ответ относительно прост: Даниил — это ссылка или на имя библейского пророка Даниила или, что кажется несколько более вероятным, на фольклорного «Данила несчастного дворянина» (см. ниже). Гораздо более сложным и спорным является вопрос о личности и среде автора (или авторов) первоначального текста интересующего нас памятника: в этой связи мы должны подчеркнуть, что разделяем мнение большинства ученых последнего времени (и не согласны в этом с Н. К. Гудзием) о том, что текст «Слова» представляет собой более ранний вариант, а текст «Моления», с существенными добавками, переделками и переменами порядка частных разделов, является более поздним. Как известно, самый древний список «Слова» датируется лишь первой половиной XVI в., а древнейший список «Моления» — второй половиной того же столетия.¹ Что же касается вопроса, где, т. е. в какой социальной среде, возникло «Слово», то академик Лихачев в нескольких своих работах высказал мнение, что, по всей вероятности, первоначальный текст этого памятника можно ассоциировать со скоморошьяй средой, подерживая свою точку зрения рядом аргументов.² Надо отметить, однако, что Лихачев, сближая текст с таким окружением, делает определенные оговорки. По его мнению, Даниил «сблизился, конечно, не с теми скоморохами, которые развлекали народ и были подлинными представителями народного искусства, а с теми, которые развлекали князя и его приближенных, смешиваясь с толпой тех же княжеских „милостников“ при дворе князя. Княжеские скоморохи принадлежали к княжеским „милостникам“, к ним принадлежал и Даниил» (Курсив наш. — Х Б, Р Р.).³ Следовательно, автор выделяет особый подтип скоморохов, действующих, по его мнению, только при княжеском дворе. Это, несомненно, интересная гипотеза, но никаких

¹ См. Daniil Zatočnik Slovo e Molenie / Ed. M. Colucci и A. Danti Firenze, 1977 Р. 11.

² Ср. особенно Лихачев Д. С. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника // ТОДРЛ М. Л., 1954 Т. 10 С. 106–109 см. далее Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понярко Н. В. Смех в Древней Руси Л., 1984 С. 24–25, с другой стороны ср. Гудзий Н. К. Какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник? // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности А. С. Орлова Л. 1934 С. 481–482.

³ См., в частности Лихачев Д. С. Великое наследие М. 1979 С. 241–258, особенно с. 256–257.

доказательств о существовании таких особого рода скоморохов в Древней Руси, насколько нам известно, нет. Скорее, функции, которые обычно приписываются скоморохам, при княжеском дворе исполняли гусляры.⁴ При всем признании возможной вескости аргументов нашего юбиляра нам тем не менее хотелось бы здесь предложить другое решение, и даже если мы не ответим на более узкий вопрос о том, кем был на самом деле автор первоначального текста «Слова», то, по крайней мере, попытаемся определить среду, в которой он — и, как кажется, автор более позднего варианта, т. е. «Моления», — жил и действовал.

В статье «Каким был автор „Слова о полку Игореве“?», опубликованной в сборнике в честь — и (как, к сожалению, оказалось) в память — Льва Александровича Дмитриева, академик Лихачев отметил, что «очень многие жанры в древнерусской литературе в XI—XIII вв. представлены только по одному памятнику», указывая в качестве примеров на «Слово» и «Моление Даниила Заточника», «Слово о гибели Русской земли», «Жизнеописание Даниила Галицкого» и др.⁵ Нельзя, конечно, не согласиться с Дмитрием Сергеевичем относительно уникального жанрового характера «Слова» и «Моления Даниила Заточника», но только в дошедшем до нас виде. Подчеркнем эту оговорку (т. е. мнение нашего юбиляра справедливо по отношению к сохранившимся до наших дней спискам «Слова» и «Моления»), потому что в более широком смысле, как будет показано нами далее, этот памятник можно причислить к произведениям жанра назидательно-медитативной прозы — в чисто, правда, поверхностной форме «послания», т. е. произведения эпистолярного стиля. В некоторых более ранних работах один из нас пытался установить и поэтическую форму и жанровый тип (а также параллели и модели) этих двух тесно связанных друг с другом вариантов особенно ценного, на наш взгляд, памятника древнерусской словесности.⁶

Прежде чем мы представим нашу точку зрения, уместно сделать несколько предварительных замечаний. Большинство ученых, ранее исследовавших эти тексты, несмотря на их отношение к конкретной личности, названной «Даниилом Заточником» (или подобно), считало, что мы имеем дело с настоящей жалобой (т. е. именно «молением»). Таким образом, предполагалось существование жалующегося лица («милостника») и князя-адресата. Это предположение казалось обоснованным хотя бы из-за названия нашего текста (во втором, более позднем варианте). Если признать, что форма жалобы лежит в основе нашего сочинения, придется предположить, что оно на самом деле обращено (в письменной своей форме) к определенному лицу, которое в состоянии исправить сделанную «молящему» несправедливость. Следовательно, можно было бы ожидать, что даже сохранившиеся тексты имеют по крайней мере некоторые следы «послания» или, иначе говоря, эпистолярного стиля.

⁴ См. Zguta R. *Russian Minstrels. A History of the Skomorokhi*. Philadelphia, 1978. P. 83—84.

⁵ См. Лихачев Д. С. «Каким был автор „Слова о полку Игореве“?» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 26—30, особенно с. 26.

⁶ Ср. Birnbaum H. 1) The 'Supplication of Daniel the Exile' and the Problem of Poetic Form in Old Russian Literature // *Essays in Early Slavic Civilization. Studien zur Frühkultur der Slaven*. München, 1981. P. 246—268, 2) Мечта и тоска в период Высокого средневековья Даниила Заточника и Вальтер фон дер Фогельвейде (несколько предварительных соображений) // *Литература и искусство в системе культуры*. Сб. в честь Д. С. Лихачева. М., 1988. С. 173—182, 3) Das «Molene Danniila Zatocnika» und das Problem seiner Genrezugehörigkeit. Berlin. Wiesbaden (в печати).

Нельзя в этой связи настаивать на формальной однородности, присущей различным разновидностям эпистолярного стиля. Ведь «послание» в Киевской Руси могло быть самой разной формы; следует также добавить, что лишь некоторые из них носят именно это заглавие в подлинниках (многие из них снабжены названием «послание» современными издателями). Ср., кстати сказать, употребление заглавия «слово» для самых разнородных текстов — от «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона до нашего «Слова Даниила Заточника», «Слова о полку Игореве» и «Слова о погибели Русской земли». Если предположить, что заглавие определенного древнерусского текста имеет хотя бы некоторую связь с жанром этого сочинения, то стоит отметить, что один список «Моления Даниила Заточника» как раз известен под заглавием «Послание». Следовательно, по крайней мере один средневековый переписчик позднего варианта нашего сочинения был уверен, судя по заглавию списываемого им текста, что оно является произведением эпистолярного типа. Для нашей цели полезно рассматривать место текста, связанного с именем «Даниила Заточника», в более широком контексте древнерусских посланий-писем.⁷

Надо сказать, что послания киевского периода, даже если они известны только в списках гораздо более позднего времени, обычно сохраняют некоторые особенности эпистолярного стиля. Хотя послание не характеризуется строгими «жанровыми» признаками (кроме, может быть, известной краткости), тем не менее оно отражает свойственную ему внутреннюю структуру. В традиции классического мира и средневекового Запада послание состояло из следующих частей: приветствие (лат. *salutatio*), введение (лат. *exordium*), повествование (лат. *narratio*), моление (или молитва, лат. *petitio*) и заключение (лат. *conclusio*);⁸ в известном смысле эта терминология применима и к посланиям киевской традиции. В приветствии (заглавии) имена автора (или авторов), а также адресата обычно указаны. Бывает, что малоизвестные имена появляются с ошибочной атрибуцией, т. е. с адресацией к некоей хорошо известной личности.⁹ Возможно, что примером ошибочной атрибуции является такой хорошо известный памятник, как «Послание о неделе» Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу (здесь сомнения вызывали и автор и адресат).¹⁰ Но всякий частный список посланий, как правило, обращен к одному определенному адресату (хотя надо иметь в виду, что во время средневековья даже личное письмо считалось как будто публичным владением;¹¹ имеются доказательства, что некоторые послания читались вслух при дворе;¹² по поводу чтения списков писем в монастырях ср. прибавление фразы «Благослови, отче» в посланиях митрополита Иоанна к папе Клименту III, а также в послании Климента Смолятича к пресвитеру Фоме¹³). Часто сам текст послания начинается (вслед за заглавием) с введения являющейся традиционной «самоуничижительной формулы» (лат. *captatio benevolentiae*); эту явно монашескую черту (в некотором варианте) можно найти даже в светских посланиях, как, например, «Послание Владимира Мономаха князю Олегу Святославичу»¹⁴ Но самое

⁷ О выборе таких текстов см. Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI—XIII века. Исследования, тексты, переводы / Ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1992.

⁸ Leclercq J. The Love of Learning and the Desire for God / Ed. by C. Misrahi. New York, 1982. P. 176—179, особенно 178.

⁹ Об атрибуции древнерусских произведений (кстати, не только эпистолярного типа) ср. Franklin S. [Пеп и введение] *Sermons and Rhetoric of Kievian Rus*. Cambridge, Mass. 1991. P. XXIX—XXXI XXXIII см. далее введение А. А. Турилова в кн. Veder W. R. [Пеп] *The Edificatory Prose of Kievian Rus*. Cambridge, Mass. 1994. P. 1.

¹⁰ См. Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие. С. 6—22, особенно с. 10—11.

¹¹ Ср. Leclercq J. The Love of Learning. P. 178.

¹² Ср. Franklin S. *Sermons and Rhetoric*. P. LIX.

¹³ См. Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие. С. 30 и 124.

¹⁴ Там же. С. 41—48, особенно с. 45.

важное — это то, что повествование базируется на риторических средствах: центр тяжести — одна конкретная тема, так что текст «центростремителен». Как правило, данная тема (она часто названа уже в заглавии списка или списков, хотя это обычно вымысел позднейшего писца) проходит красной нитью через целый текст. Следовательно, тема развивается линейной аргументацией, в виде назидательного поучения (ср., например, «Послание о вере латинской» Феодосия Печерского к Изяславу) или последовательного списка (скажем, осуждение преступлений «латинов»; ср. «Послание Владимиру Мономаху о вере латинской» митрополита Никифора, не говоря о только что упомянутом послании митрополита Иоанна к папе Клименту III); часто автор использует параллели, взятые из священной истории. Цитаты из Библии, как правило, открываются ожидаемым повествовательным *incipit* (началом): «глаголеть (пророкъ)», «Апостоль рече», «так о бо и писано есть» и т. п. Есть, разумеется, исключения из этой стилистики. Так, например, последовательность аргументации прерывается в «Послании о вере латинской» Феодосия, где *гомилетическое incipit* повторяется: «Мнѣ же рече отецъ <...> Рече ми отецъ». Стоит отметить, что линейная структура не преобразуется переписчиками существенным образом даже в тех случаях, где они добавляют или снимают часть текстуального материала. Так, когда полный текст сохранен в весьма разных вариантах, как, например, в «Послании о неделе», эти разновидности тем не менее характеризуются особенностями внутренней связанности. Таким образом, писцы, работающие в разных средах (более конкретно: скрипториях) и в различные времена, ощущали и уважали связанность текстов эпистолярного стиля.

«Слово Даниила Заточника», несомненно восходит к структуре иного рода. Бросающееся в глаза отступление от формы послания — это наличие не одного, но нескольких адресатов. Так, кроме князя Ярослава Володимировича, к которому «Слово» обращено, в самом начале текста находим, в качестве вторичного адресата, гомилетическое выражение «братия» (или «братие», т. е. первоначальную форму звательного падежа от собирательного существительного женского рода) — это, по всей вероятности, ссылка на монашескую общность, членом которой являлся и сам автор.¹⁵ Такие ссылки можно найти в разделе XIV (в ред. Колуччи и Данти), т. е. в месте о «злых женах» (во всех списках, кроме Толст. и Арханг.), и в разделе I (т. е. во введении) двух рукописей (Толст., Арханг.), а также в обоих списках первоначального, т. е. непереработанного, «Моления» («Послания»).¹⁶ Тот факт, что автор на самом деле обращается к группе людей, к которой и сам принадлежит, ясно вытекает хотя бы из выражения «вѣстубимъ», где он употребляет первое лицо множественного числа.¹⁷

¹⁵ Здесь мы должны подчеркнуть, что подобное мнение в свое время высказал Е. Модестов, отмечая, что послание «вовсе не сочинено заточником и не назначено исключительно для какого-нибудь известного князя. Сочинитель начинает свое послание обращением не к князю, а к какой-то братии». Ср. его статью «О послании Даниила Заточника» (ЖМНП 1880 № 11. С. 165—196), цитированную здесь по: Миндалев П. «Моление Даниила Заточника» и связанные с ним памятники: Опыт историко-литературного исследования. Казань, 1914 С. 41

¹⁶ См. Daniil Zatočnik. Slovo e Molenie P. 129, 159, 167

¹⁷ Л. В. Соколова в работе «К характеристике „Слова“ Даниила Заточника: (Реконструкция и интерпретация первоначального текста)» (ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46 С. 229—255) принимает более раннюю гипотезу о том, что «Слово» является посланием, и разделяет текст по эпистолярным (риторическим) принципам. Так, например, автор различает *captatio benevolentiae* и *petitio* в «Слове» (С. 234 и 236). На наш взгляд, однако, трудно отличить эти фрагменты друг от друга. Правда, строчку типа «Азъ бо есмь аки она смоковница проклятая» можно ожидать в *captatio benevolentiae*, но трудно представить себе, что «умоляющий», обладающий знанием эпистолярной риторики, повторял бы параллельный образ в начале *petitio* («Азъ бо есмь княже господине, аки трава блещена»). Подобным образом «умоляющий» представляет свою *petitio* уже в *captatio benevolentiae* «И покры мя нищета, аки Черное море фараона». Структура «Слова» просто не поддается риторике послания.

«Слово Даниила Заточника» начинается со слов: «Въструбимъ, яко во златокованья трубы, в разумъ ума своего и начнемъ бити в сребренья органы, [въ извиגיע] мудрости своеа, съпуще богодхновенья свирили, да въсплещем вас, душеполезныя помыслы».¹⁸ Введение, использующее такой торжественный стиль, немислимо встретить в тексте, являющемся частью послания (эпистолярной формы); здесь, скорее, налицо не «самоуничижительная формула», но, наоборот, топос христианского прославления мудрости, вроде строчек в «Изборнике Святослава» 1076 г.: «...тѣмъ же и похоуди не поучяюштя ся. гл[агол]я. прокляти оукланяюштеи ся отъ заповѣдѣи твоихъ. тѣмъ же и самъ ся похвали гл[агол]я: Коль сладька слова твоя паче меда оустомъ моимъ».¹⁹ В «Слове» мы имеем дело с переделкой фраз, взятых из псалмов 80:3—4, 107:3—4 (или 56:9—10) и 77:2. В результате получился единый текст, восхваляющий и самого автора, и его читателя (или группу читателей) за их мудрость. И самая структура этого места очень показательна: текстуальная ткань создана из цитат Св. Писания, и, более того, повествовательные *испрѣ'ы* (ожидаемые в послании) совсем отсутствуют. Заметим, что вообще в «Слове» такие повествовательные *испрѣ'ы* очень редки, и цитаты, как правило, введены в текст без всякого предупреждения. Это еще одно расхождение между стилями «Слова» и посланий (где автор просто излагает свою тему, пользуясь цитатами), указывающее на то, что по крайней мере некоторые читатели были в достаточной мере ознакомлены с Св. Писанием.

Добавочное и, может быть, самое важное отступление от стиля эпистолярных произведений состоит в нелинейной структуре «Слова» (как, впрочем, и «Моления»). В основном оба эти похожих друг на друга текста являются сборниками афоризмов, порой организованными по темам с такими *испрѣ'ами*, как «княже мои, господине». В этой связи следует отметить, что темы разных отделов текста часто не обнаруживают никакой внутренней связанности; в разных редакциях, а также в разных списках одной и той же редакции еще сильнее проявляется тенденция добавить, снять или переменить порядок отдельных частей текста. Повествовательный элемент, присущий эпистолярному стилю, здесь отсутствует. Таким образом, мы имеем дело с постоянно «децентрализованным» текстом — в нашем памятнике мы видим явно заметный «центробежный» принцип.

Вопрос, к которому нам теперь хотелось бы обратиться, это гипотеза С. Фрэнклина о том, что тексты, связанные с именем «Даниила Заточника», каким-то образом восходят к византийскому жанру, известному как «продромика» или «птохо-продромика».²⁰ Как известно, «птохо-продромическая»

¹⁸ Соколова Л. В. К характеристике «Слова» С. 129—130.

¹⁹ См. Изборник 1076 года / Ред. С. И. Котков М., 1965 С. 155. Такая похвала самого себя никогда не является типичной для послания (как публичного жанра не позволяющего такого рода самопохвалы).

²⁰ См. Franklin S. Echoes of Byzantine Elite Culture in Twelfth-Century Russia? *Byzantium and Europe* Athenai, 1987 P. 177—187. Среди византологов нет согласия по поводу того, является ли Федор Продром — по всей вероятности, племянник первого греческого по происхождению смоленского епископа Мануила — автором также так называемых «птохо-продромических» произведений. Например, немецкий ученый Х. Г. Бек не отождествляет авторов продромических и «птохо-продромических» поэм, ср. Beck H. G. 1) *Geschichte der byzantinischen Volksliteratur* Munchen, 1971 S. 8 101—109, 126 2) *Das byzantinische Jahrtausend* Munchen 1978 S. 122—152, М. Й. Кириакис также не отождествляет обоих поэтов, см. Kyriakidis M. J. *Satire and Slapstick in Seventh and Twelfth Century Byzantium* // *Byzantina Athenai* 1973 T. 5 P. 291—306 в частности 297. С другой стороны, известный византолог А. Каждан придерживается мнения, что нет особых оснований для того, чтобы расподоблять этих двух византийских поэтов, ср. *The Oxford Dictionary of Byzantium* New York (Oxford 1991 T. 3 (статья

поэзия состоит из четырех сатирических поэм, адресатами которых являются византийский царь Иоанн Комнин, некий «севастократор» (предположительно Андроник Комнин) и царь Мануил Комнин. Стиль этих текстов характеризуется смесью сатирических и юмористических элементов, в то время как автор указывает на свою беду и выражает надежду, что его просьба будет выслушана. Кроме того, уместно отметить, что если язык древнерусских текстов, о которых идет речь, в основном церковнославянский восточного извода (особенно ввиду многих библейских цитат), хотя имеются в них и следы разговорной речи, то язык и стиль «птохо-продромических» стихов в подавляющем числе случаев принадлежит уже новому просторечию, причем преобразенному в литературно приемлемое.²¹ Тот факт, что «птохо-продромические» поэмы написаны просторечием, предполагает, что они были предназначены широким кругам общества, ср также их размер — так называемый политический (т.е. «гражданский», «общедоступный») стих.²² Рассматривая языковую основу «данииловских» текстов, можно заключить, что они были написаны для избранных читателей (и слушателей, ср фразу «Благослови, отче» вслед за заглавием в списке Барс), которые были ознакомлены с языком и текстами христианского ритуала. Опуская здесь нашу оценку теории «диглосии» в Древней Руси (представленную в наиболее обобщенном виде Б.А. Успенским), отметим, что «Слово» не было написано для широкой и главным образом светской публики.²³

Попытка связать тексты древнерусского «Слова» и «Моления» с «птохо-продромическими» стихотворениями если не генетически, то, по крайней мере, на типологическом уровне имеет довольно длинную предысторию. Насколько нам известно, первый ученый, который — еще в 1896 г. — предположил такую связь (хотя в данном случае не только в типологическом смысле, но непосредственно как влияние одного текста на другой), был В. Щурат.²⁴ Гипотеза Щурата включает, кстати сказать, не только «птохо-продромические» поэмы, но также стихи Михаила Глики — другого византийского автора XII в., написанные им в тюрьме и направленные, видимо,

«Prodromos Theodore» и «Ptochoprodromos», с 1726—1727 и 1756, написанные главным редактором словаря А.П. Кажданом), см также анализ четвертой продромической поэмы Ale xiu M. The Poverty of Eenture and the Craft of Wnting Towards a Reappraisal of the Prodromic Poems // *Byzantine and Modern Greek Studies* 1986 T 10 P 1—40 особенно p 32 35 ср также Franklin S. Echoes (особенно с 180—181), который в своей интересной статье представляет однако открытым вопрос об идентичности авторов поэм о которых идет речь. О том кем был дядя Продрома см Franklin S. Who was the Uncle of Theodore Prodromos? // *Byzantinoslavica* 1984 T 45 P 40—45. К общей дискуссии о «продромическом вопросе» см в последнее время особенно Horander W. Autor oder Genus? Diskussionsbeiträge zur «Prodromischen Frage» aus gegebenem Anlaß // *Ibid* 1993 T 54 P 314—324 и указанная там литература.

²¹ Относительно стиля интересующего нас памятника существуют противоположные точки зрения ср с одной стороны Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода М. Л. 1946 С. 81—131 с другой стороны Issatschenko A. Geschichte der russischen Sprache Bd I. Von den Anfängen bis zum Ende des 17. Jahrhunderts Heidelberg 1980 S. 199—201 см далее Ševcenko I. Imagery of the Igor Tale in the Light of Byzantino Slavic Poetic Theory [рец. на кн. К. Бешаровой] // Ševcenko I. Byzantium and the Slavs in Letters and Culture Cambridge Mass. Napoli 1991 P. 151—158 (особенно 151) где автор указывает на византийские лексические и идиоматические клише в «данииловских» текстах. Что касается стиля Федора Продрома а также «Птохо-Продрома», ср особенно Beck H. G. Geschichte S. 103—104 далее The Oxford Dictionary of Byzantium T 3 P. 1756.

²² См. Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха М. 1989 С. 103.

²³ Ср также встречающиеся в «Молении» гречизмы см Issatschenko A. Geschichte S. 201 где автор указывает на странность и книжный характер лексики «мирских притч» упоминая смоквы и «стафили».

²⁴ Ср его статью «Слово Даниила Заточника» опубликованную еще в 1896 г. в «Записках наукового товариства ім Т. Шевченка» (Т. 9 С. 1—28) ср также Миндалев П. «Моление» (С. 58—60) где он подготавливает воззрения тогдашних ученых занимавшихся нашим памятником (или скорее его двумя вариантами).

тому же царю Мануилу Комнину. Подобно произведениям «Даниила Заточника», у Глики встречается изобилие пословиц, а сами стихи написаны просторечным языком. Мнение Щурата было в свое время решительно оспорено А. И. Лященко, который хотя и признал, что можно найти несколько примеров текстуального сходства между стихами Глики и произведениями «Даниила», тем не менее отрицал наличие подобных общих мест у «Птохо-Продрома» и «Даниила».²⁵

Как уже было указано, С. Фрэнклин в своем труде осторожно предполагает лишь типологические сходства между византийской моделью и ее древнерусским отражением. Он перечисляет черты в «Слове» и «Молении», напоминающие «птохо-продромические» стихи: общая тематика (убогий книжник, молящий своего правителя); похожий стиль (хвастливая демонстрация ума и мудрости рассказчика); совпадение тропов и приемов (дурная жена, суетные монахи, «горе от ума»); литературная личность одного и того же типа (полуфигурный рассказчик, стиль которого адаптирован разными авторами).²⁶ Но помимо указания на типологические сходства С. Фрэнклин также отмечает значительные расхождения между византийскими и древнерусскими текстами: с одной стороны, мы наблюдаем конкретное повествование, изобилующее анекдотическими деталями в «птохо-продромических» поэмах, с другой — «аггломерирующий, эклектический» метод и коллажный характер общих мест (взятых из назидательной литературы) в «Слове» и «Молении». В результате Фрэнклин приходит к выводу, что определяющей характеристикой «Даниила», общей, кстати сказать, с Климом Смолятичем, а также с автором (или авторами) «птохо-продромических» поэм, является их яркое остроумие.

Даже имея в виду сходства, наблюдаемые между византийскими и интересующими нас древнерусскими текстами, мы тем не менее должны подчеркнуть и существенные различия, о которых говорит С. Фрэнклин. Более того, нам бы хотелось указать на некоторые другие расхождения между текстами, о которых здесь идет речь. Так, уместно отметить, что в произведениях «Даниила» отсутствует последовательная повествовательная структура. Нет в «Слове» почти никаких описаний событий, за исключением некоторых отзвуков библейской истории и сжатых повторений рассказов, характерных для назидательной литературы. Но именно остроумное повествование является ядром «птохо-продромических» стихотворений. Отметим далее, что у «Даниила» отсутствует не только повествовательная структура, но и четко определенная система риторических средств. Соответственно, всякая попытка навязать тексту повествовательную или хотя бы риторическую последовательность ведет к неудаче. Например, С. Фрэнклин утверждает, что намеки на возможность жениться на богатой невесте мотивирует намерение оскорбить доминирующих жен.²⁷ Но в тексте «Слова»

²⁵ См. Лященко А. И. О «Молении» Даниила Заточника // *Jahresbericht der Reform Kirchenschule für 1895/96* SPb S 3—46, ср. также Миндалев П. «Моление» С 62 В последнем отношении Лященко кажется, не был прав. В вводной части третьей «птохо-продромической» поэмы (приписываемой в двух ее вариантах некоему монаху Илариону) мы читаем в одном варианте похвалу византийскому царю состоящую из следующих строчек

και γαρ ἡ σαρπιγὶς ἡ λαμπά των παν κατορθωμάτων
οὐκ ἡσυχάζειν ἐπεισε λοιπὸν εὐκωμάζειν

или в переводе «Ибо как ясная труба твоих успехов / не заставляла тишину пусть она воззвучит [твою] похвалу». В известном смысле эта похвала напоминает начало «Слова» (См. Hesselring D.-C., Pernot H. [Ред.] *Poemes Prodromiques en grec vulgaire* // *Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam Afdeling Letterkunde n r Amsterdam 1910 T 11/1 S 48*

²⁶ Cp. Franklin S. *Echoes* P 178 181

²⁷ *Ibid* P 180

фраза «женися у богата тьстя» не только не *открывает*, а появляется *внутри* текстового раздела (XIV), оскорбляющего «злых жен».²⁸ Доказательством того, что наш текст несистематичен и в повествовательном и риторическом отношении, можно считать тот факт, что более поздние писцы — а именно «Моления» (и его переделок) и переделки «Слова» — переставляли порядок многих разделов текста.²⁹

Относительно самой формы моления (т. е. жалобы) надо заметить, что, несмотря на некоторые общие для «Слова» и «птохо-продромических» поэм черты, жалобный характер нашего текста настолько вторичен, что можно его считать вполне поверхностным, в то время как он является доминантой и мотивацией стихотворных повествований византийских текстов. В «Слове» жалоба ограничивается весьма абстрактной бедой, напоминающей Псалтырь, и даже не мотивирует большинство текстуальных разделов. Таким образом, мы можем только согласиться с мнением Н. К. Гудзия о том, что «Слово» — это «абстрактная жалоба неудачника, подкреплённая обильными цитатами, афоризмами и вставками».³⁰ Другими словами, Гудзий был прав, когда подчеркивал отсутствие логических связей между отдельными отрывками нашего текста, особенно в его второй части.³¹

Очевидно, далее, что можно сказать лишь очень мало касательно литературной личности «Даниила Заточника». Писцы и переписчики на самом деле легко приспосаблились к стилю этих текстов, т. е. адаптировали его (как полагает С. Фрэнклин),³² подобно византийским писцам, которые скрывались под именем «Птохо-Продрома», однако с одной важной разницей: в то время как греческие редакторы работали над текстами и, может быть, перерабатывали их под маской известного поэта и сатирика того периода, русские переписчики лишь переставляли и добавляли апофегмы и афоризмы под именем «Даниила Заточника», идентификацию которого произвести нелегко. Нам неизвестен никакой Даниил Заточник в древнерусской письменности XII—XIII вв. (вне пределов наших текстов; см., однако, далее), а также никакой выдающийся книжник типа Федора Продрома.³³ Даже если Продром не был автором «птохо-продромических» текстов, то они тем не менее следовали средневековой традиции приписывания их известному писателю. Тексты же, связанные с «Даниилом Заточником», следуют противоположной тенденции. Некий Даниил упоминается — вне традиции связи с нашими текстами — в летописных статьях за 1378 г. (в Воскресенской летописи и в Московском летописном своде конца XV в.).³⁴ Там мимоходом сообщается, что «Данило Заточеник» был на Лачем озере, куда

²⁸ Ранее этот факт был отмечен Н. К. Гудзием в его учебнике «История древней русской литературы» (М., 1938 С. 173)

²⁹ По этому поводу см., например Veder W. R. Literature as a Kaleidoscope. The Structure of Slavic «Cetu Sborniki» // Semantic Analysis of Literary Texts. Leiden, 1990. S. 599—697, особенно 606

³⁰ Ср. Гудзий Н. К. История. С. 173

³¹ Там же

³² Ср. Franklin S. Echoes. P. 181

³³ В этой связи стоит отметить, что в Древней Руси был, по мнению многих ученых, один большой анонимный поэт — автор «Слова о полку Игореве». Однако есть веские поводы для сомнений в том, что полный текст поэмы о североновгородском князе Игоре был составлен сразу после событий 1185 г., а не значительно позднее. Для беспристрастного подхода к этому весьма спорному вопросу (с точки зрения одного из авторов настоящей статьи) см. Birnbaum H. Toward an Unprejudiced Assessment of the Igor' Tale // Russian Language and Verse [Язык и стих в России. Сб. в честь Д. С. Уорга / Ред. Х. Бирнбаум и М. С. Флайер]. М., 1995. P. 52—58. Как известно, некоторые ученые настаивают на том, что «Слово о полку Игореве» является фальсификатом, составленным в конце XVIII в. В настоящее время готовится к печати монография известного гарвардского ученого Э. Кинана, который предполагает, что автором «Слова» был не кто иной, как «отец славянской филологии» И. Добровский

³⁴ См. ПСРЛ. СПб. 1859. Т. 8. С. 33. М., Л. 1949. Т. 25. С. 200

был послан в заточение и некий поп. Как заметил Л. А. Дмитриев, упоминание «Даниила Заточника» здесь, скорее, относится к текстуальной традиции, чем к некоторой исторической личности.³⁵ Черты конкретной «личности» нашего повествователя оказываются при более близком анализе весьма конвенциональными; здесь сочетаются «повествовательные голоса» из Псалтыри и других библейских книг и афоризмы, находящиеся в «Пчеле» и в схожих текстах. Стоит отметить, что текст «Слова» почти целиком состоит из цитат и отголосков, взятых из Библии и других раннехристианских произведений (св. отцов и др.), — это цитаты и литературные отражения, которые были идентифицированы учеными, работающими над этим текстом (от П. Миндалева вплоть до Колуччи и Данти). Если снять весь слой цитат (допускаем, что здесь есть и до сих пор неизвестные источники), возможно, что никакой «литературной личности» и не осталось бы.³⁶

Более того, основную «птохо-продромическую» тему, состоящую в том, что остроумный писатель, находясь в беде, обращается к своему правителю, нельзя найти, по крайней мере в последовательном виде, у древнерусских переписчиков «Слова».³⁷ В этой связи следует отметить, что некоторые списки «Слова» и «Моления» употреблению родительного падежа в заглавии предпочитают фразу «о Даниле (Заточнике)», в то время как его имя появляется в самом тексте (вслед за заглавием) лишь в первой переделке «Моления». С другой стороны, имя предполагаемого автора вообще исчезает в переделке «Слова». По поводу адресата мы уже упомянули обращение к «братьям» в одном списке (Толст.) «Слова» и в обоих списках (Унд. и Чуд.) «Моления». Значит, личность главного адресата — князя уже стала все более и более бледной и расплывчатой даже для сравнительно ранних переписчиков дошедшего до нас текста. Нет имени князя ни в переделке «Слова», ни во второй переделке «Моления»; в двух списках (из трех) первой переделки «Моления» адресатом является «князь Владимир», т. е. совсем условная, туманная фигура.³⁸ Подобным образом в рукописях «Слова» выражение «княже» иногда отсутствует в часто встречающихся обращениях (т. е. в *inscriptis*) «княже мои господине», так что остается лишь «мои господине» (или вариант этого).

Как было только что указано, наши тексты существенно отличаются на уровнях формальном, содержательном и текстуальном от известных примеров эпистолярного жанра в Киевской Руси. Кроме того, мы должны заключить, что сходства наших памятников с «птохо-продромическим» жанром могут быть случайные и несущественные. Сам «Даниил» по главным признакам отличается от личности автора византийских стихотворений. Основной «продромический» прием — обращение бедного книжника к известному правителю — не поддерживается всем пространством древнерусского текста (или группы древнерусских текстов). А «продромические» топосы и приемы, наличествующие в наших текстах (и особенно в «Слове»), являются универсальными гномическими темами — о поведении хороших и плохих князей, о бедном, но остроумном человеке, о богатом дураке, о злой жене. На Руси они были так же популярны, как и вообще в христианской культуре средневековой Европы.

³⁵ Ср. История русской литературы X—XVII веков / Ред. Д. С. Лихачев. М., 1980. С. 155.

³⁶ Относительно неоткрытых пока еще возможных источников «Слова (Моления) Даниила Заточника» см., например Issatschenko A. Geschichte S. 201.

³⁷ В этой связи следует отметить, что несколько вариантов третьей поэмы «Птохо-Продрома» являются обращениями остроумного монаха Илариона к багрянородному царю Мануилу Комнину, хотя автор остается как раз под маской «Птохо-Продрома».

³⁸ См. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Ред. Н. Н. Зарубин. Л., 1932. С. XI—XIII, особенно с. XII.

Однако был особый тип письменности, распространенный в Древней Руси, который соединяет темы — топосы и приемы, встречающиеся в «Слове». Произведения этого типа характеризуются и той же несвязанностью, и «центробежными» тенденциями (не говоря об истоках), как и наши «данииловские» тексты. Мы имеем в виду назидательные сочинения, как, например, «Изборники» Святослава 1073 и 1076 гг., «Пчелу», «Златоструй», «Мудрость Менаандра», «Измарагд», а также передельки «книг мудрости» Св. Писания. Как видно, в ряде этих текстов обнаруживаются как раз структурные признаки, известные нам по сочинениям «Даниила Заточника». Среди них есть демонстративное выставление напоказ общечеловеческой мудрости автора; ряд не особенно твердо связанных гномических тем, состоящих главным образом из цитат, но с известной примесью оригинальных композиционных элементов. Тексты такого рода обычно относят к категории четких сборников и «цветников», которые можно определить более общим термином *назидательные антологии*.

Здесь мы остановимся коротко для того, чтобы определить некоторые употребляемые нами понятия. Что касается почти синонимических терминов *антология* и *флорилегий* (оба буквально обозначают «собрание цветов»³⁹), то надо отметить, что западный, т. е. латинский, термин, когда он применяется к византийской литературе, обычно ограничивается богословскими, христианско-религиозными сборниками, в то время как греческое название употребляется главным образом для обозначения светских стихов, особенно гномических эпиграмм (поэтому также названных *гномологиями*, или *гномиями*).⁴⁰ В дискуссиях, касающихся антологий на средневековом Западе, ученые обычно отличают монашеские антологии от дидактических, употребляемых для учебы в школах. Монашеские антологии в свою очередь служили назиданию (в узком, буквальном смысле св. Павла: назидать — это создать Церковь, тело Христа⁴¹). У. Р. Федер, анализируя четкие сборники и сочинения подобного рода, недавно ввел в научный обиход более широкое понятие «назидательная проза». Он специально не связывает эти тексты с монастырями, хотя и подчеркивает пристрастное отношение к монашеству древнерусской христианской культуры; стоит также отметить, что нет следов светского образования как альтернативы монашеской учебе.⁴² Далее, если уже терминология не совсем четкая, то не вполне ясна и функция средневековой антологии: почему она была составлена и как ее читали? Пониманием антологии в письменной культуре средневековой Европы мы во многом обязаны недавней книге М. Карразерс. В ее представлении средневековая культура главным образом базируется на памяти, аналогично тому как наша современная западная культура основана на документах. Для средневекового человека книга поэтому имеет функцию мнемотехнического устройства, помогающего ему запомнить большой текст, в особенности Св. Писание, хранящийся в уме грамотного человека; в православном славянстве таким человеком в первую очередь был монах. «Флорилегий», говорит

³⁹ Или, как предлагает Мэри Карразерс, «цветы чтения», см. Carruthers M. *The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture*. Cambridge, 1990. P. 30. Ill. 26.

⁴⁰ Об антологиях в византийской литературе см. Krumbacher K. *Geschichte der byzantinischen Literatur* 2. Aufl. München, 1897 (репринт New York, 1958). Bd 1. S. 600—602 (с богатой, хотя теперь устарелой, разумеется, библиографией, включая славянские переводы и издания, а также — ошибочной — атрибуцией «Мелиссы» монаху Антонию), Bd 2. S. 725—730 (о греческих антологиях и подобных текстах). The Oxford Dictionary of Byzantium T. 1. P. 110 (ст. «Anthologies»), T. 2. P. 793—794 (ст. «Florilegium»), 872—873 (ст. «Greek Anthology») 1335 (ст. «Melissa»).

⁴¹ Ср. Leclercq J. *The Love of Learning*. P. 158, 182.

⁴² См. Feder W. R. 1) *Literature as a Kaleidoscope*. P. 603—607, 2) *The Edificatory Prose*. P. XVII. XXII, особенно XX.

Карразерс, «в основном является содержанием памяти одного, изложенным в виде какого-то учебного руководства для образования памяти других». ⁴³ Антология, таким образом, является более чем лишь собранием или сборником, но своего рода синекдохой других рукописных книг. Возвращаясь к контексту нашего памятника, мы уверены, что антологии, о которых пойдет речь, в особенности «Изборник» 1076 г. и «Пчелу» (в частности, в первой ее редакции), можно считать назидательными, так как даже последний текст организован вокруг христианских тем и мотивов, т. е. этических «правд», и основан больше всего на христианских истоках.

Среди антологий, особенно значительных для славянского мира средневековья, можно назвать византийский сборник, который известен под названием «Μέλισσα» — или, по-славянски, «Пчела» — и, по всей вероятности, составлен в течение X или XI в. «Мелисса» состоит из двух книг и 176 «слов». В то время как источники цитат большинства «слов» удалось идентифицировать (Псевдо-Максим Исповедник и «Sacra Parallela» для религиозной христианской части и несколько гномологий для светских изречений), источник последних пяти «слов» до сих пор неизвестен. В рукописях — кстати сказать, неполных — этого произведения отдельные «слова» являются анонимными или ошибочно приписываются Иоанну Дамаскину, отголоски сочинений которого на самом деле здесь присутствуют. Сейчас уже доказано, что более ранняя атрибуция этого памятника некоему монаху Антонию, якобы названному Мелисса, а также самое заглавие памятника были позднейшими выдумками, так как название «Пчела» употреблялось в качестве широко распространенного для анонимных антологий. «Трудолюбивая пчела», собирающая нектар из цветов, для того чтобы наполнить кельи своего улья медом, являлась, как можно и ожидать, весьма обычной метафорой для чтения, писания и запоминания. ⁴⁴ Ввиду того, что «Мелисса» была переведена на славянский (или, точнее, на церковнославянский восточнославянского извода), по всей вероятности, не позже раннего XIII в., ее воздействие на «Слово Даниила Заточника» и впоследствии на «Моление» могло быть значительным. ⁴⁵ Во всяком случае, нам кажется более плодотворным рассматривать наши тексты на фоне такого типа литературы, а не искать в ней конкретные источники. Несомненно, первоначальный автор «Слова» мог пользоваться обоими «Изборниками» Святослава. При том,

⁴³ См Carruthers M The Book of Memory P 8, 174 Ср схожую, но все-таки немного отличную интерпретацию существа средневековой культуры Запада в работах А Я Гуревича, в частности, его книгах «Категории средневековой культуры» (2-е изд М, 1984) и «Средневековый мир Культура безмолвствующего большинства» (М, 1990)

⁴⁴ См Krumbacher K Geschichte Bd I S 600—602, см также Melissa Ein byzantinisches Florilegium Griechisch und altrussisch / Red D Tschizewskij Munchen, 1968, в особенности, с IX—XXIX (введение и библиография редактора), ср с XI (и сн 5) где «Пчела» сравнивается с нашим памятником Риторическая фигура пчелы и меда встречается раньше всего у Платона (ср его диалог «Ион»), где утверждается, что поэты составляют свои сочинения не силой своего искусства, но благодаря божественному вдохновению Греческий философ играет словами μέλος («песня»), μέλιρροτος («медотекущий») и μέλιττα (или μέλισσα «пчела»), сравнивая поэта с пчелой, собирающей сладость из медотекущих истоков в садах Муз для своей песни (Мы обязаны нашему коллеге Р Коропецкому за указание на то что эту метафору можно возвести к Платону) Образ пчелы, употребляемый в этом смысле, был очень распространен среди поэтов Возрождения, которые определяли свое творчество на фоне «невдохновенного» средневекового мира Ср в противоположность этому средневековый смысл этой риторической фигуры, где «трудолюбивая пчела» представляет монаха или ученого читающего разные книги с целью наполнения «кельи» своей памяти сладостью См Carruthers M The Book of Memory P 36—39, 191—192 Подробности ср далее

⁴⁵ Ср Миндалев П «Моление» С 255—279 Таким образом, Миндалев (с 276) подытоживает свои наблюдения, подчеркивая что «[и]з 16 мест, общих обоим изводам (1 е «Слову» и «Молению» — X Б Р Р) влияние Пчелы, как источника, можно видеть только в 4-х < > причем несомненным заимствованием для извода XII века (т е «Слова» — X Б Р Р) является только в двух случаях»

что литературный генезис «Слова» давно известен и подробно обсужден исследователями прошлого века (М. Н. Сперанским, П. Миндалевым и др.), последние предполагали, что в своей первичной редакции «Слово» было связано с посланием, написанным каким-то настоящим «Даниилом» или «Заточником». На наш взгляд, текст, о котором идет речь, в своей основе был на самом деле некоторой антологией, имея в виду при этом, что некоторые его «молебные» черты могли быть вставлены позднее, как подразумевает и самая текстуальная история нашего памятника.

Сближение этих текстов с назидательными антологиями позднесредневекового периода ясно вытекает из их заглавий и так называемых конвоев. Таким образом, Кир.-Бел. список (XVII столетия) «Слова» носит заглавие «От книги глаголаемая Пчелы, написание Даниила Заточника, къ своему великому князю Ярославу Владимировичю вельми поле[з]но» и сохранился в сборнике вместе с другими произведениями подобного рода, как «Пчела» и «Стословец» архиепископа Геннадия, и некоторыми другими.⁴⁶ Подобным образом список Унд. (начала XVI столетия) «Моления» в сборнике, в котором он находится, помещен непосредственно вслед за «Пчелой», являющейся первой частью этого сборника.⁴⁷ В своей переделке (в двух рукописях) «Слово» является частью сборников большого объема, соединяющих памятники назидательной прозы, среди которой наш памятник как будто потерял свою собственную идентичность. В этой переделке, которая носит заглавие «Слово о мирских притчах и о бытєйских вєщєх: подобно єсть сєму житиє наше, и како сє в нем льстим (т. е. обманываем себя. — *X Б., Р Р.*)», чисто афористические части «Слова» сведены вместе с добавочными изречениями из «Пчелы», а также из «Мудрости Менаандра».⁴⁸ Список переделки «Слова» в Погодинском сборнике (середины XVII в.) предшествует «Слову о злых женах», обычно приписываемому Иоанну Златоусту, вслед за которым в свою очередь имеются цитаты из «Пчелы».⁴⁹ Владимирский список (первой половины XVII в.) подобен Погодинскому в том смысле, что «Слово о злых женах» и там следует сразу после переделки, с той, однако, разницей, что здесь нет особого заглавия для «златоустного» текста. Таким образом, как указано еще Зарубиным, «[к]онец списка Слова о мирских притчах сливается с начальными словами Слова о злых женах в один сплошной текст без разделения».⁵⁰ Отождествление нашего памятника (по крайней мере в трех редакциях) с назидательными антологиями эпохи средневековья показывает, что некоторые писцы создавали это сходство (и на композиционном и на тематическом уровнях) с литературой назидательного типа. Далее мы постараемся продемонстрировать самые важные примеры.

Что касается композиционных приемов, стоит отметить, что «Слово» имеет много совместных источников с антологиями — «Изборниками» 1073 и 1076 гг., а также «Пчелой», если даже не употребляет непосредственные цитаты из них. Автор, в частности, обращается к «книгам мудрости» Ветхого Завета (а также ссылается на евангельские изречения). Как известно, «книги мудрости» включают все части Ветхого Завета, кроме Пятикнижия, так называемых исторических книг и Пророков. Следовательно, сюда принадлежат Книга Иова, Псалтырь, Притчи Соломона, Книга Екклезиаста (или Проповедника), Песнь песней Соломона, Книга Премудрости Соломона и Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Среди них — Псалтырь,

⁴⁶ См. Тихомиров М. Н. Написание «Даниила Заточника» // ТОДРЛ. М., Л., 1954. Т. 10. С. 270—272.

⁴⁷ Ср. Миндалев П. «Моление» С. 22 и сл. 3.

⁴⁸ Ср. Там же С. 78—80, далее Слово Даниила Заточника по редакциям С. VIII—IX.

⁴⁹ Ср. Миндалев П. «Моление» С. 78—80.

⁵⁰ Слово Даниила Заточника по редакциям С. VIII—IX.

хотя она очень часто цитируется или парафразируется в «данииловских» памятниках, и Песнь песней (иногда также цитирована в наших древнерусских текстах), оба в сущности поэтические и поэтому не принадлежат, строго говоря, к «премудрой» литературе. Эта «премудрая» словесность древнего Израиля (первоначально являющаяся лишь одной частью «мудрости» Ближнего и Среднего Востока) не ограничивалась теми или иными народными или языковыми пределами. Ее характер в основном был не религиозен, так как она, скорее, трактовала о человеческих делах и о их решениях, но не так, как это делалось в греческой философии, а на прагматической основе ежедневного опыта. Она дает советы успешной и счастливой жизни и восхваляет хорошее образование. Такая литература, поэтому, учит читателя приспособляться к условиям и правилам сего света и, по крайней мере в теории, открывает тайны счастья и успеха.

Для лучшего понимания роли, которую сыграли ветхозаветные «премудрые» книги в качестве модели для назидательно-антологического жанра древнерусской письменности, уместно сделать здесь несколько замечаний об этой библейской литературе. Самая ранняя и простая форма «премудрой» словесности — это пословицы и изречения, т. е. максимы, первоначально употребляемые в устном поучении внутри семьи или рода с целью развития воображения. Древнейшее собрание в библейских притчах состоит как раз только из таких коротких сентенций. В Книгах Иова и Премудрости этот жанр достиг полного расцвета литературной композиции и художественного совершенства. Наиболее приближенной к группе мудрецов, считающихся авторами ветхозаветных «книг мудрости», является фигура царя Соломона (которому целый ряд из них ошибочно приписывался). Книга Иисуса, сына Сирахова, является частью греческой и латинской Библии, т. е. Септуагинты (70 толковников) и Вульгаты (св. Иеронима), но она осталась вне еврейского канона Ветхого Завета. Иисус, сын Сирахов, работал, кажется, ок. 190—180 гг. до н. э., когда греческое влияние стало более сильным в Палестине; он сделал все возможное для того, чтобы сохранить традицию против этих опасных, с его точки зрения, внешних инноваций. Интересно отметить, что кроме Псалтыри, Евангелия и Притч Соломона как раз Книга сына Сирахова особенно часто или прямо цитируется или косвенно отражается в древнерусских «данииловских» произведениях.⁵¹

Таким образом, «книги мудрости» сыграли важную роль в качестве текстового материала для назидательных антологий. Например, в «Изборнике» 1076 г. вошла переделка Премудрости Иисуса, сына Сирахова; в первой главе того же «Изборника», в «Слове нѣкоего калюгера о чьтении книгъ», также находится переделка некоторых строк псалма 118. Подобным образом каждая глава первой редакции «Пчелы» начинается с цитат из Евангелия, Апостола, «Соломона» и «Сираха» — почти всегда в этом уже установленном порядке; здесь часто встречаются и другие цитаты из «Соломона» (порой неверно употребляемого вместо имени греческого мудреца-ритора Солона). Патристическим материалом «Слова», который также находится в антологиях, является, между прочим, адаптация (в «Изборнике» 1076 г.) известного текста константинопольского патриарха Геннадия I.⁵² Материал светской прозы назидательного характера (в виде апофегм), заимствованный из «Пчелы» и, возможно, из «Мудрости Менаандра», также можно найти в «Слове».

Заметим, что в переделке Премудрости сына Сирахова в «Изборнике» 1076 г. и в «Пчеле» изречения появляются в тематическом порядке, с за-

⁵¹ Подробности относительно ветхозаветных «книг мудрости» см. The New Jerusalem Bible Garden City, 1985 P 749—756, 804—815, 964—965, 1012—1013, 1027—1029, 1042—1044, 1076—1078

⁵² Cp. Daniil Zatocnik Slovo e Molenie P 142, 158

главиями отдельных глав, иногда в первом памятнике, но всегда в первой редакции последнего. Как было отмечено М. Карразерс, такое распределение по темам, являющимся на самом деле этическими «правдами», выражается «изобильно» и весьма типично для назидательных антологий средневековья.⁵³ Апофегмы «Слова» появляются более или менее в том же порядке, как самостоятельные единицы. Такими темами разных разделов (всего шестнадцать, по подсчетам Колуччи и Данти) являются: мудрость и «милостыня» (милосердие), страх, вера, дружба и «убожество и богатство», «убожество», печаль, «милостыня», власть и княжение, мудрость и «убожество», мудрость, «лжа и клевета», власть и княжение, жены, «самолюбие» (и в этом разделе есть также топос собирания нектара пчелой), и — уже не совсем в антологическом контексте — похвала князю. Приходится, таким образом, констатировать, что все только что названные темы являются в то же время и популярными «правдами» (которые требуют дальнейшего подробного изучения) назидательной письменности и что каждой теме «Слова» соответствуют определенные главы «Пчелы» — в частности, главы 2, 6, 7, 9, 10, 12, 17, 18, 24, 28, 63, 68, но также и с многими другими сходствами. То же самое применимо и к переделанной версии Премудрости сына Сирахова в «Изборнике» 1076 г. Это относится, например, к главам «о звании сильных», о «словах притчных», «о женах злых и добрых», «о женъ лоукавъ», о «пръмудрости похвале», как и к метафоре собирания, которая находится в конце этой книги (а также в конце «Изборника» 1073 г. и в 17-й главе «Пчелы»).⁵⁴

Наше определение «Слова» как образца назидательной антологии, конечно, может вызвать возражения. На некоторые мы попытаемся ответить сразу, а на других более подробно остановимся далее. Одним из таких возражений могло бы являться то, что в «Слове» цитаты не определены по источникам (или авторам) и не идентифицированы в смысле определенных заглавий, так как мы бы этого ожидали в обыкновенной антологии. Однако, изучая текстуальную историю «Пчелы», мы видим, что четкие границы отдельных участков здесь исчезают. Таким образом, в разных списках первой редакции этого памятника названия источников порой отсутствуют, а во второй редакции их, как правило, вообще нет.⁵⁵ Что же касается отсутствия заглавий отдельных разделов, то мы можем сослаться на замечание У. Р. Федерера, что и у «Сына Сирахова» в «Изборнике» 1076 г. только известные — но далеко не все — тематические группы разделяются особыми заглавиями.⁵⁶ На наш взгляд, сама группа изречений как таковая ясно выделяла тему для четкого восприятия средневековым читателем; одновременно когда-то существовавшие в антологиях текстуальные границы, по ходу их копирования и переделки (от одного списка к другому), исчезали. Во всяком случае, никто из ученых, изучающих «данииловские» тексты, не сомневался, что эти тексты в том виде, в каком они дошли до нас, пережили многие изменения в сравнении с их первичной формой.

Второе возможное возражение — другого и более серьезного характера. Заключается оно в том, что автор (или составитель) «Слова» как будто манипулирует своими источниками, например, заменяя третье лицо оригинала первым лицом (т. е. употребляя «я» вместо первоначального «он») — скажем, в цитате из славянского перевода Геннадия⁵⁷ — и что начала

⁵³ См. Carruthers M. The Book of Memory. P. 26

⁵⁴ См. Melissa S. 167 (изречение, приписанное Исокрыту)

⁵⁵ Ср. Творогов О. В. «Пчела» // Словарь книжников. Вып. 1. С. 382—387, особенно

с. 384

⁵⁶ См. Veder W. R. Literature as a Kaleidoscope. P. 600

⁵⁷ Ср. Daniil Zatochnik Slovo e Molenie P. 142

(incipit'ы) большинства глав обращены к князю (причем мы здесь не вдаемся в спорный вопрос, кто был исторической личностью-адресатом разных версий «Слова» и «Моления»). Это явление действительно необычно в средневековых антологиях (при том, что оно, конечно, является нормальным в «умоляющих» поэмах типа Михаила Глики или «Птохо-Продрома»; см. выше). Но и эти черты опять-таки могут объясняться поздним характером дошедших до нас списков. В особенности личный, лирический характер «голоса» Псалтыри, так часто цитируемой в «Слове», влиял, быть может, на более поздних переписчиков, которые пытались устранить возможные текстуальные границы в своих переделках. (Относительно же наименования князя см. далее.)

Раньше мы указали на факт, что «моление» и «умоляющий» характер фигуры «Даниила», обращенные к князю, являются доминантой только в многочисленных текстовых разделах «Слова», в то время как своего рода печаль и неудовольствие налицо и в других местах. Посмотрим теперь на эту проблему в свете тематической структуры антологий. Наиболее выразительно «умоляющие» разделы «Слова» встречаются в первой его части (что и сообщило тексту повествовательную структуру и чем объясняется тот факт, что ученых, которые считали наш памятник настоящим «молением», например Гудзия, смущала вторая часть текста). Здесь следует отметить, однако, что печаль «повествователя» является просто типичным христианским мотивом, отражающим один из членов в антиномическом сопоставлении печального и беспечального. Можно наблюдать, например, тематическую соотносимость между разделом VII «Слова» и словом 28 «Пчелы» («О печали и беспечали»); в обоих текстах даже встречается одна и та же цитата из пророка Исаии (50:9, приписываемая «Соломону» в «Пчеле»). Подобным образом разделы IV и V в «Слове» являются иллюстрацией тематического противопоставления «убожьства» богатству с соответствующей параллелью в «Пчеле» (слово 18: «О богатствѣ и о убожьствѣ», и слово 12: «О богатствѣ и о убожьствѣ и о сребролюбьи»). Очень близкое соотношение можно наблюдать также в разделе IV «Слова» и в слове 18 «Пчелы» (упоминание дружбы); см. также общую цитату в разделе V «Слова» и в слове 12 «Пчелы», взятую из сына Сирахова (13:28—29). Что же касается самого «моления», то ядро одного из «умоляющих» разделов (VIII) является просто переделкой цитаты из Геннадия посредством «Изборника» 1076 г. Каждую тему, затронутую «Даниилом», можно найти также в «Пчеле»; эти темы трактуются обобщающим способом и морализирующим тоном в последней и часто являются цитатами и отголосками из Св. Писания. Это говорит не столько о зависимости составителя «Слова» от «Пчелы», сколько о самом методе, которым этические «правды» определялись составителями двух антологий подобного типа. Эти сходства объясняют включение «Слова» в сборники, содержащие назидательные антологии. Кроме того, близкое отношение (или соотношение) этих двух текстов — или групп текстов — помогает нам понять, каким образом «Слово» в свою очередь могло стать истоком более поздней редакции «Пчелы» (мнение, высказанное раньше М. Н. Сперанским⁵⁸).

На самом деле, анализируя наш памятник как антологию, мы в состоянии разрешить некоторые сложные загадки, относящиеся к его композиционной структуре. Во-первых, основное перераспределение текстуальных разделов «Слова», как мы его наблюдаем в (позднейшем) «Молении» и в переделках, становится понятным; во-вторых, структура отдельных текстовых разделов и соотношение изречений между собой также проясняется. Эти композиционные проблемы, конечно, связаны друг с другом. У. Р. Федер

⁵⁸ Ср. Миндалев П. «Моление» С 250—251

в своем исследовании о поэтике четких сборников и «назидательной прозы» заметил якобы произвольный способ, каким перерабатывались антологии, служащие медитации. По его мнению, в антологиях сразу бросается в глаза отсутствие связанности на разных уровнях: прагматическом, жанровом, тематическом, семантическом, синтаксическом и стилистическом. Вдобавок наблюдается распад выделяемости и структуры первичных источников; это касается, с одной стороны, переделки авторитетного материала (библейского, патристического и т. д.) и — с другой — перераспределения разделов внутри разных редакций.⁵⁹ Голландский ученый полагает, что эти рукописные книги составлены по новооткрытому им принципу — а именно в поэтике «калейдоскопа». Надо, однако, сразу отметить, что произвольное употребление источников в назидательных антологиях не слишком удивительно. Ведь если принять, что эти произведения были написаны в монастырях монахами и для их надобностей, тогда сам характер монашеского чтения и писания до известной степени объясняет этот произвол; см. относительно некоторых деталей более подробно далее. Здесь достаточно сказать, что Ж. Леклерк в своей книге 1957 г. показал, что структура медитативных антологий на Западе «столь свободная, сколь свободны самые пределы медитации <...> в этом самом способе выбора чужих текстов есть элемент фантазии, не поддающийся определению».⁶⁰ *Mutatis mutandis* — это относится в равной мере и к ситуации в Древней Руси.

В антологии включаются самые красивые цитаты, найденные в тех книгах, над которыми писец размышляет. Но если способ выбора до известной степени произволен и тематическая организация отражает личное предпочтение индивидуального монаха, следует ли предполагать, что и установление определенного порядка цитат также должно быть произвольным? По У. Р. Федеру, «ассоциативным и диссоциативным процессам, употребляемым в медитации, скорее способствует, чем препятствует, по-видимому, отсутствие систематичности текстуального материала».⁶¹ Наше предварительное исследование показывает, однако, что в антологиях цитаты внутри текстовых единиц даже в тех случаях, где они не кажутся тематически связанными, часто следуют одна за другой в порядке совпадения общего, совместного слова (или выражения) или в границах одного семантического поля. Это, иначе говоря, ожидаемое следствие запоминания текстов Св. Писания. Как утверждает Ж. Леклерк, библейское запоминание ассоциируется с «медитативным молением», соединяющим чтение, медитацию и молитву. «Это — полная насыщенность словами Св. Писания, которой объясняется чрезвычайно важное явление запоминания, благодаря чему словесные отголоски до такой степени стимулируют память, что один лишь намек спонтанно вызывает целый ряд цитат и в свою очередь библейская фраза совершенно естественно подсказывает другие отголоски Св. Писания. Каждое слово является как бы крючком; оно захватывает одно или несколько слов, которые связываются друг с другом и создают ткань изложения».⁶² И, как справедливо заметила М. Карразерс, поддерживать память лишь книгочтением — это неполный процесс, неполный без одновременного книгосоставления; составление является «пищеварительным» процессом, благодаря которому прочитанное оказывается освоенным.⁶³ Составление (или переделка) антологии — активное средство для организации и запоминания текстов — является совершенно другой писательской деятельностью, чем одно переписывание.

⁵⁹ См Veder W R *Literature as a Kaleidoscope* P 603—607

⁶⁰ Cp Leclercq J *The Love of Learning* P 183

⁶¹ Cp Veder W R *The Edificatory Prose* P XX

⁶² См Leclercq J *The Love of Learning* P 73—74

⁶³ Cp Carruthers M *The Book of Memory* P 192

сывание, как это последнее определялось Д. С. Лихачевым.⁶⁴ Как составитель антологии размышляет над подлинниками, которые он включает и перерабатывает, так и позднейшие переписчики той же антологии опять-таки переделывают текст, над которым теперь задумываются в свою очередь они. Естественно поэтому, что получается множество переделок одного и того же подлинного текста.

Это, казалось бы, произвольное сопоставление «несовместимых элементов» в «Слове» комментировалось У. Р. Федером в его программной статье о «калейдоскопической поэтике». Здесь он намекает на то, что наш текст является пародией на гомилетический жанр.⁶⁵ На самом же деле наблюдаемая «несовместимость» указывает на размышление над многими разнообразными книгами, как это отмечено и самим составителем в разделе XV: «...так и азъ, по многим книгамъ исыбирая (*так!*) сладость словесную и разум».⁶⁶ Посмотрим на одну такую «несовместимость», с которой П. Миндалев не мог разобратся. Ее можно найти в разделе IX, говорящем «о властях и о княжении» и соответствующем главе 9 в «Пчеле». Здесь, как и в других отрывках, наблюдается соотношение между текстовыми цитатами; в данном случае цитата не из Библии, а приписываемая «Апаминде» (т. е. дохристианскому политическому деятелю и генералу Эпаминондасу). В «Слове» читаем: «Видих: великъ звѣръ, а главы не имѣет; тако и многи полки без добра князя».⁶⁷ Миндалев считал, что это место в тексте «нарушает ход мысли Заточника, взывающего к щедрости князя, и, вместе с предыдущим воспоминанием о князе Святославе и пословицей («дивиа за буюном кони паствити»), носит характер вставки одного из переделывателей-амплификаторов».⁶⁸ Библейские цитаты (Сир. 4:35; Втор. 32:30; Пс. 124:1), отголоски (Ис. 39:1—2; 4 Цар. 20:12—13; Мф. 4:22; Пс. 103:10—11), светское изречение (Эпаминондас, взятое из «Пчелы») и разные другие апофегмы и афоризмы неизвестного происхождения (в том числе источник о походе Святослава против греков), за исключением заимствованных из Псалтыри, распределены вокруг темы княжеской власти, реализуя при этом моральную точку зрения. Мы согласны с мнениями М. Н. Сперанского и П. Миндалева, говорящих, с одной стороны, о «чисто механическом нанизывании цитат» здесь и в других местах и — с другой — о том, что «оба извода в данном месте представляют беспорядочную смесь отдельных, мало связанных мыслей и изречений».⁶⁹ Конечно, отсутствие определенного порядка в последовательности апофегм удивило бы лишь того, кто без основания ожидал наличия как раз такого порядка и в рамках антологии. Строчка, взятая из Эпаминондаса, нарушает ход мысли «Слова» не более, чем та же строчка нарушает ход мысли «Пчелы»: это просто один «цветок чтения» в полном букете.

⁶⁴ Ср. Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. Л., 1983. С. 60—61.

⁶⁵ Ср. Veder W. R. Literature as a Kaleidoscope. P. 606.

⁶⁶ См. Daniil Zatočnik Slovo e Molenie. P. 163.

⁶⁷ См. Ibid. P. 146, подобно также в «Пчеле», ср. Melissa. S. 109.

⁶⁸ Ср. Миндалев П. «Моление» С. 266. Следуя за Миндалевым, Л. В. Соколова в статье «К характеристике...» предполагает авторское намерение, отступления от которого нужно исключить по ее мнению, «доказательством вторичности того или иного фрагмента < > является нарушение им стройной тщательно продуманной структуры реконструированного авторского текста» (С. 242. Курсив наш — Х. Б. Р. Р.). Там, где автор представляет текстологическое обоснование своих предположений, оно нам кажется или неубедительно («вставки» III и V) или несостоятельно («вставка» I, где автор не учитывает древнейшего списка «Слова» (т. е. Мальцева) восходящего к первой половине XVI в., где добавления «а жены на блядно» вообще нет, так что этот вариант ближе всего «Пчеле»). Даже краткое рассмотрение «вставок» Соколовой показывает, что участки нарушающие по ее мнению авторское намерение, в сущности находятся в тематическом согласии с окружающим их текстом.

⁶⁹ См. Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славянорусской письменности. Исследование и тексты. М., 1904. С. 313. Миндалев П. «Моление» С. 267—269. Цитата из книги Сперанского приводится здесь по Миндалеву.

Если, таким образом, можно сказать, что некоторые непосредственные источники «Слова Даниила Заточника», например «Пчела» и «Изборники» 1073 и 1076 гг., являлись настоящими антологиями, то равным образом справедливо то, что у «Слова» внешний вид напоминает форму и стиль эпистолярного, «умоляющего» послания. Хотя по своему существу и содержанию «Слово» также можно считать сочинением антологического жанра, но по внешней форме оно приняло вид послания, очень популярного в Древней Руси и, подобно антологиям-флорилегиям, имеющего корни в особенности в монашеско-церковной среде. Добавление адресата в виде наименования князя также является чертой, характерной для этой поверхностной трансформации от антологии нормального типа (как «Пчела» или «Изборники») к посланию. Спорные с исторической точки зрения князья — Ярослав Володимирович в «Слове», Ярослав Всеволодович в «Молении», «Владимир (Киевский)» в первой переделке «Моления» — сыграли тут роль адресата, и как раз это сходство с «умоляющими» поэмами и стихами почти современных византийских писателей — Федора Продрома (и, быть может, также «Птохо-Продрома») и Михаяла Глики — считалось (едва ли с достаточным, на наш взгляд, основанием) возможной моделью для древнерусских «данииловских» текстов. В этой связи следует напомнить, что «умоляющие» поэмы были порой обращены к княжеским адресатам также и на Западе; наиболее, может быть, характерен пример Вальтера фон дер Фогельвейде, как это было раньше отмечено одним из авторов настоящей статьи.⁷⁰ Таким образом, появление богатого, естественно, и имеющего власть князя в противоположность «молящему», бедному писателю, как в нашем случае, «Даниилу» — соответствует (христианской) антиномии бедного и богатого, существенно расширенной в назидательных антологиях. В процессе превращения нашего текста в новую форму послания («моления») это противопоставление становится все более ярким. В этом свете можно уяснить и тот факт, что даже в «Слове» все участки, говорящие об этих противоположностях, находятся в самом начале текста и таким образом мотивируют его понимание как «моления».

Имя предполагаемого автора нашего памятника также можно истолковать в подобном смысле. Нет необходимости обсуждать существование исторического Даниила (хотя такую возможность нельзя полностью исключить, и в этом случае мы, по всей вероятности, должны идентифицировать сочинителя нашего текста с каким-то монахом или отшельником в Древней Руси, пожалуй, на ее севере⁷¹), скорее, это — фиктивное имя, метафорически намекающее или на библейского Даниила, ввиду его изолированной ситуации в беде, или на фольклорного «Данила несчастного дворянина».⁷² Таким образом, мы здесь наблюдаем слияние христианско-назидательных элементов, характерных для монашеских книг антологического типа, с фольклорными элементами, популярными в широких кругах народа. Соответственно, условная фигура князя-адресата принимает фольклорную окраску; ср. в особенности обращение к «Владимеру (Киевскому)» в первой переделке «Моления».

Нам удалось, думается, показать, что наш текст в древнейшем реконструированном его виде, т. е. первоначальное «Слово», указывает на мона-

⁷⁰ См. Бирнбаум Х. Мечта и тоска

⁷¹ Ср. в основном убедительные лингвистические аргументы С. П. Обнорского в его в основном весьма спорном и справедливо критикованном труде *Очерки* С. 81—131, особенно с. 129—130

⁷² Ср. сказки о «Даниле несчастном» и «о горе-горянии, Даниле-дворянине» Народные русские сказки А. Н. Афанасьева В 3 т. / Ред. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков 7-е изд. М. 1984—1985 Т. 2 С. 364—367 Т. 3 С. 278—282. Насколько нам известно, В. Шурат был первым ученым, который предполагал эту вставку, ср. его «Слово» Ср. также Миндалев П. «Моление» С. 59

пешскую среду. В пользу этого говорит и гомилетическое обращение к «братиям» в списке Толст., а также фраза «Господи благослови, отче» в списке Барс. Очевидно, что даже в переделанном виде писцы понимали духовно-назидательный характер «данииловских» текстов. Это вытекает из заглавия Кир.-Бел. списка («Написание <...> вельми поле[з]но») и из переделки «Слова» на весьма апофегматический лад («Слово; <...> подобно есть сему житие наше») — текст, названный Н. Н. Зарубиным сочинением духовного лица.⁷³ Если наш памятник первоначально составлен как назидательная антология — средство для (и результат) монашеского изучения текстов, т. е. «медитативного моления», и если он продолжал исполнять именно эту функцию в течение нескольких столетий, можно ожидать дополнительных показаний в пользу монашеского авторства.

Прежде чем обсуждать эти данные, будет уместным отметить, что Е. Модестов, писавший еще в 1880 г., предполагал возможность возникновения этого текста в «духовной» среде, но почти сразу сам ее и отверг: «Глубокое знакомство с Священным Писанием могло бы подать нам повод думать, что автор — лицо духовное. Но этому противоречит частое обращение автора к мирским притчам, то есть пословицам, и то важное значение, которое он им придает. Советы, которые автор дает князю, еще более доказывают, что это человек светский. Лицу духовному тогдашнего времени едва ли свойственно было придавать дружине столь важное значение, какое придает ей наш сочинитель <...> Важно, наконец, и то, что сочинитель в заглавиях называется просто „Даниилом Заточником“: это ясно доказывает, что сочинитель был лицо светское».⁷⁴ Но, на наш взгляд, ни одно из этих возражений не говорит убедительно против нашей теории. Что касается «мирских притч», то мы уже цитировали мнение А. Исаченко относительно их книжного характера; очень возможно, что найдутся параллели в византийских текстах. Далее надо отметить, что сам термин не обязательно означает «светские притчи» (в смысле примеров — *exempla* — из ежедневной, народной жизни), так как ясно, что более поздние писцы и переписчики не понимали этот термин как противоположный «церковным притчам»; например, переделка «Слова», состоящая преимущественно из несветского материала, тем не менее носит заглавие «Слово о мирских притчах», и в конце одного списка (Тих.) первой переделки «Моления» мы читаем: «О том бо царь Соломон глаголетъ въ мирских притчах». И наконец, вполне допустимо что даже если «мирские притчи» относятся к «светским параболом», то этот термин здесь мог бы означать на самом деле горизонт, несколько отдаленный от «сего мира» некоего монаха-составителя. Нами уже достаточно было сказано об условности княжеского лица; подобным образом и самое имя предполагаемого автора — «Даниил Заточник» — ничего существенного нам не говорит; по всей вероятности, оно настолько же условное, как и имя князя.

В статье, опубликованной в 1900 г., В. И. Гуссов предполагал, что «Слово» было написано духовным лицом, но с существенной оговоркой о том, что оно являлось вторичным текстом, т. е. переделкой «Моления». Так как этот последний текст содержит «критический» раздел по отношению к монашеской жизни, а также упоминает египетских и афинских мудрецов, оно, по Гуссову, не могло быть написанным такой личностью.⁷⁵ Однако и эти характерные черты, как известно, совсем не свидетельствуют против

⁷³ См. Слово Даниила Заточника по редакциям С VIII

⁷⁴ См. Модестов Е. О послании, Миндалев П. «Моление» С 42 Цитата приводится здесь по Миндалеву

⁷⁵ См. Гуссов В. И. К вопросу о редакциях «Моления» Даниила Заточника // Летопись Ист.-филол. об-ва при Новорос. ун-те Т 8 Визант.-слав. отд. Т 5 Одесса, 1900 С 1—34 ср. Миндалев П. «Моление» С 67

«духовного» авторства. «Критика» по отношению к суетным и грешным монахам, которая находится в этом тексте (раздел XXI), очень близка к нападкам против монахов с такими же слабостями и недостатками, которые мы встречаем, например, в «Сказании о черноризьчѣстьмъ чину» Кирилла Туровского; а ссылку на светских, т. е. поганских, философов мы можем найти и в «Послании митрополита Климента Смолятича пресвитеру Фоме», а также в «Пчеле». ⁷⁶ Фраза же «Аз бо не во Афинах растох, ни от философ научихся» является весьма типичной для средневековья «самоуничжительной формулой». ⁷⁷

Здесь стоит еще отметить, что известный специалист по богословской письменности Киевской Руси Г. Подскальский в своем основополагающем труде по этой теме упоминает «данииловские» тексты по крайней мере два раза: во-первых, в разделе об аскетической литературе, к которой он, правда, причисляет наш памятник лишь весьма условно и с существенными оговорками; и, во-вторых, в связи с древнерусскими сборниками (и изборниками), а также другими анонимными текстами. ⁷⁸ Немецкий ученый придерживается мнения, что наш памятник написан главным образом не для богослужебных целей (хотя в нем он нашел и некоторые намеки такого рода) и что духовные и народно-светские элементы можно считать здесь более или менее уравновешенными. На наш взгляд, однако, последнее мнение плохо соотносится с содержанием нашего текста ввиду его многочисленных библейских цитат и выдержек из назидательно-медитативной литературы. Таким образом, назидательная антология, составленная в ходе медитации над книгами богословского содержания, не обязательно служила исключительно богословским или богослужебным целям. Как бы то ни было, и Подскальский в своей книге не исключает возможности, что «Слово» или «Моление Даниила Заточника» могло быть составлено именно в монашеской среде.

Мастерство, с которым наш автор владеет религиозными текстами, и виртуозность, с которой он сопоставляет и сочетает библейские строчки в новые структуры, свободно текущие как будто новой струей, сразу бросается в глаза. Но мы не должны представлять себе нашего монаха, сидящего над книгами и разыскивающего самые лучшие, подходящие фразы для своего сочинения. Его произведение везде очень свободно, оно не следует прямой линии, отражает воспоминания библейского чтения, которые мы можем

⁷⁶ См. Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. Беркли, 1989 С. 47—54 особенно с 49, 50 (переиздание его статей см. ТОДРЛ Т. 11—13, 15, 18), Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие С. 124—137, особенно с 124.

⁷⁷ См. Daniil Zatočnik Slovo e Molenie P. 174. Ср. также почти ту же дословно риторическую фигуру в предисловии «Жития св. Стефана Пермского» написанного Епифанием Премудрым, где автор просит прощения у своих читателей за то, что он простой и необразованный человек и что он не был в Афинах и не изучал философов. Для стилистического и идеологического анализа этого произведения см. Voortnes J. Visions of Glory Studies in Early Russian Hagiography Oslo, Atlantic Highlands, 1988 P. 136—193. О «самоуничжительной формуле» в древнерусской агиографической литературе и в монашеских посланиях см. далее Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. Мюнхен, 1991 С. 242—245, в труде Буланина отмечено много примеров моделирующего влияния классической (античной) литературы на древнерусскую письменность, главным образом посредством византийской (и отчасти древнеболгарской) культуры. Здесь следует подчеркнуть, что стилистический прием скромности и самоуничтожения автора никак не ограничен древнерусской (или византийской) литературой, он был широко распространен и на Западе, а его истоки даже не христианские, но дохристианские (восходящие к Цицерону, Квинтилиану и др.). Первоначально он, кажется, был употреблен в судебных делах. Ср. подробности (с ссылками на основную, правда, теперь несколько устаревшую литературу) в кн. Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter 3. Aufl. Bern, München 1961 S. 93—95, 410—415.

⁷⁸ См. Podskalsky G. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988—1237) München 1982 S. 145, 263—265 (с библиографией).

считать результатом «медитативного моления»: одни слова подсказывают другие в памяти монаха — это акт осмысленного перераспределения мира книг, ставшего внутренним его сокровищем. Начало нашего текста, переделка частей Псалтыри (такого существенного компонента ежедневного богослужения в монастырях!) является блестящим примером медитативного сочинения. Наш автор начинает со строчки, напоминающей Пс. 80:4: «Вострубите въ новомесячи трубою, во благознаменитый день праздника вашего». Монах, по всей вероятности, запомнил отдельные псалмы в виде некоей решетки, что позволило ему с легкостью двигаться вперед и назад по рядам именно этой собственной решетки.⁷⁹ Таким образом, «псалтирь красень съ гуслими» предыдущей строчки (Пс. 80:3) легко его ведет к следующей строчке, которую он потом запишет на пергамене, Пс. 107:3—4 (или 56:9—10): «Востани, слава моя, востани, псалтирю и гусли: встану рано. Исповѣмся тебѣ въ людехъ, Господи, пою тебѣ во языцѣхъ». Когда монах размышляет над этой строчкой, он тклет целые сетки цитат, и всякое слово служит «крючком» для других выражений и фраз. «Слава моя» и «псалтирь» предлагают, видимо, Пс. 48:5: «Приклоню въ притчу ухо мое, отверзу во псалтири гадание мое», за чем следует Пс. 77:2: «Отверзу въ притчахъ уста моя, провѣщаю гадания исперва». Эта строчка улавливается нашим автором, и, вместо «въ людехъ, Господи, пою» (Пс. 107:4), он записывает на пергамене, как мы видим, первую часть Пс. 77:2. Следует более свободная секция, где «гадание», «притча» и «мудрость» — слова, раньше записанные нашим монахом, напоминают темы Притч. 1:2—6; однако они представляются в виде, более близком к Притч. 15:21. «Народъ» («во языцѣхъ») из Пс. 107:4 не забыты. Они в свою очередь ведут мысль к второй части Пс. 44:2 — «язык мой трость книжника скорописца», которая была потом записана; семантический прыжок, основанный на звуковом сходстве (языкъ, «народ» → языкъ, «орган речи» = рѣчь — рѣчный, «относящийся к реке»), напоминает начало Пс. 45:5 — «рѣчная устремления».⁸⁰ Первая часть Пс. 44:2 — «Отрыгну сердце мое слово благо, глаголю азъ дѣла моя цареви» — как будто слышится в следующей строчке; быть может, что из этих нецитированных, скрытых слов, но слов, которые сразу вспоминали все читающие и пишущие эту часть «Слова», появился и сам зачаток идеи княжеского адресата. Слово «благо» здесь подсказало, может быть, следующую ссылку на Пс. 136:9: «Блажень, иже иметъ и разбить младенцы твоя о камень». Композиционное сочетание продолжается — каждая строчка этого раздела (I) — это отголосок или прямая цитата из Св. Писания. В «Житии» Феодосия Печерского (написанном Нестором) мы читаем о сочинительской деятельности монаха Илариона: «Бѣше бо и книгамъ хытръ псати, сий по вся дѣни и нощи писааше книги въ кельи у блаженаго отца нашего Феодосия, оному же псалтирь усты поющо тихо и рукама прядуща вълну, или кое ино дѣло дѣлающа»⁸¹ Вполне возможно представить себе, что книги, которые Иларион писал в келье Феодосия, были похожи на первую часть нашего текста.

В «Слове» есть два очень интересных места, которые, мы предполагаем, отражают монашескую среду; оба они — компоненты единой метафоры о

⁷⁹ См Carruthers M The Book of Memory Р 80—107, особенно 81—85, 88, 94

⁸⁰ Стоит отметить, что в украшенных миниатюрами псалтырях языки часто показаны как будто вытекающие из уст реки, см., например, маргинальное украшение к псалму 45 (л 63) в (греческой) «Киевской Псалтыри 1397 года» (М., 1978) Маргинальные иллюстрации употреблены, как известно, в качестве мнемонического приема, см Carruthers M The Book of Memory Р 136, 216, 244—248

⁸¹ См ПЛДР Начало русской литературы XI—начало XII века / Ред Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев М., 1978 С 348

пчеле и меде. Рассуждение о сладости слова находится в разделе XI, который был нами идентифицирован как похвала мудрости: «Но постави сосуд сръдечный под потокъ капля языка моего, да накаплють ти слажше меду словеса усть моих. Якож Давидь рече: сладка суг словеса твоя, паче меда устомъ моимъ; ибо Соломонъ рече: словеса добра сладостью напаяють душу, покрываетъ же печаль сердце безумному».⁸² Первая интересующая нас строчка взята из поучения духовному сыну, «Слово нѣкоего отця къ сыноу своему словеса душе пользная», раздела «Изборника» 1076 г., источником которого был, наверное, греческий оригинал.⁸³ В «Изборнике» строчка выглядит так: «Простъри ср[б]д[б]чньи съсудъ. да накаплють ти словеса слажша меду могоушта оживити и бесъмъртна явити тя».⁸⁴ Это непосредственно напоминает Пс. 118:103: «Коль сладка гортани моему словеса твоя: паче меда устомъ моимъ», вслед за чем следует переделка цитаты из Притч. 16:24: «Сотове медовнии словеса добрая, сладость же ихъ изцѣление души». Здесь ощущается и отголосок первой части Притч. 14:10: «Сердце мужа чувственно печаль души его», что в свою очередь напоминает фразу «ср[б]д[б]чньи съсудъ» из текста «Изборника». Второй отрывок, напоминающий прежнюю метафору словесной сладости и вызывающей представление о собирающей нектар пчеле, встречается в разделе XV: «Азь бо, княже, ни за море ходилъ, ни от философъ научихся, но быхъ аки пчела, падая по рознымъ цвѣтомъ, совокупля медвены сотъ; тако и азъ, по многимъ книгамъ истбирая сладость словесную и разум, и съвокупихъ аки в мѣхъ воды морския».⁸⁵ Этот отрывок текста близок мотивам «Изборника» 1073 г. и «Пчель», а также еще одному топосу собирания, взятому из Пс. 32:7. Все эти текстовые участки указывают на особый «монашеский» способ учебы и пользуются весьма условными (хотя и сложными) метафорами для этой цели. В основном сочинение здесь является комментарием, направленным на самого себя, в то время как автор размышляет (устно) над текстами Св. Писания, «Изборника» 1076 г. (или варианта этой книги), «Пчель» и др.⁸⁶

Главной целью учебы и чтения книг для монаха было правильное понимание Библии. Такое понимание прежде всего осуществлялось *толкованием*—«созвучием» (или «симфонией»), как это явление назвал Ж. Леклерк, — другими словами, объяснением одной строчки библейского текста посредством другой, где встречается такое же слово.⁸⁷ Запоминание Св. Писания нуждается как раз в таком толковании—«созвучии» и осуществлялось чтением («кедой» слова) и писанием («пищеварением», которым текст передается хранению памяти); все эти процессы осуществлялись «медитативным молением» над книгой или известным участком книги. Следует подчеркнуть лишний раз, что «молитвенный» аспект чтения и запоминания был здесь чрезвычайно важным. Мы узнаем, как известный монах (и будущий епископ Новгорода) Никита Затворник был искушен дьяволом (в слове 25-м «Киево-

⁸² См. Daniil Zatočnik Slovo e Molenie P 150—151

⁸³ Что касается «Изборника» 1076 г., то У. Р. Федер считает, что и первоначальный славянский перевод был сделан не на Руси, а еще в Болгарии, так же как в случае «Изборника» 1073 г. См. аргументацию в его кн. The Edificatory Prose P XXIII—XL

⁸⁴ См. Изборник 1076 года С. 159—160

⁸⁵ См. Daniil Zatočnik Slovo e Molenie P 163—164

⁸⁶ Здесь следует подчеркнуть, что употребление метафоры о пчеле и меде не является лишь механическим переписыванием из более ранних антологий, в Древней Руси топоры употреблялись в письменности главным образом с целью описания данного предмета или данной ситуации (в нашем случае медитативное чтение), и только вторично они являются и признаками определенного жанра. Ср. Lenhoff G. The Martyred Princes Boris and Gleb. A Socio-Cultural Study of the Cult and the Texts Columbus, Ohio, 1989 P 11—31, в частности 21, ср. далее Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы 3-е изд. М., 1979 С. 80—102, особенно с. 90—91

⁸⁷ См. Leclercq J. The Love of Learning P 76—77

Печерского патерика»): «И глагола ему бѣсь: „Ты убо не молися, но буди почитаа книги, и сими обрящешися съ Богом бѣсѣдую, да от них подаси слово полезно приходящим к тобѣ. Аз же присно буду моля о спасении твоемъ творца своего“. Прельстив же ся, мних никакоже помолися, но прилежаще чтению и поучению...».⁸⁸ Мы далее узнаем, что монах знал все книги Ветхого Завета наизусть, но что он не был заинтересован в изучении Нового Завета и что после изгнания из него нечистых духов он не мог вспомнить ни одного слова этих книг. Как отмечено С. Фрэнклином, книжное знание Никиты являлось эксцентричным в том смысле, что оно отклонялось от самой сути христианской учебы и поэтому не было допустимым. Мы так же, как и С. Фрэнклин, уверены, что начиная с середины XII столетия, кажется, появляется новое, подозрительное отношение к книжникам, что как раз и показывает эта повесть.⁸⁹ Но ясно то, что, по Поликарпу, очень большим злом в образовании Никиты является обстоятельство, что он перестал молиться и только читал. Можно, пожалуй, полагать, что «медитативное моление» порой было основано даже на неканонических текстах, над которыми размышляли и которые равным образом запоминались. Климент Смолятич говорит о том, что он изучал письмо Фомы как раз таким способом. Он пишет: «Почет писание твоея любве, яже аще и медлено бысть, почтодихся и в чинъ въспомановения приникъ, зѣло дивихся благоразумию твоему...».⁹⁰

Монашеское чтение — это не то безмолвное, произнесенное чтение, к которому мы привыкли сегодня. Как заметил Д. С. Лихачев, даже переписывая текст, монах запоминал свой источник участок за участком, используя «внутренний диктант», и что «обман слуха» мог привести к некоторым ошибкам ассимиляции и диссимиляции звуков в формирующемся тексте.⁹¹ Средневековый читатель «слушал» предложение, которое он читал, так как обычно он произносил слова вслух, хотя бы не слишком громким голосом. «Это повторяющееся жевание Божьих слов, — отмечает Ж. Леклерк, — иногда описывается темой духовной пищи», добавляя, что есть две обычные метафоры монашеского чтения: жвачное животное и пчела.⁹² Согласно таким метафорам, чтение и запоминание — это деятельность, сопровождаемая шепотом (блеянием или мычанием жвачного животного, жужжанием пчелы). В первую очередь они означают простое чтение текстовых материалов (глотание травы животным, питье пчелой нектара на цветах), сопровождаемое медитативным молением и иногда сочинением (отрыванием и жеванием жвачки, образованием меда). Таким образом, «пищеварение» было, кажется, основной метафорической моделью чтения и сочетания текстов, собирания и воспоминания.⁹³ У. Р. Федер приводит изречение из «Патерика Скитского», утверждающее, что чтение Св. Писания есть процесс подобный тому, как овца глотает траву без жевания. Монах, о котором идет речь, потом предполагает, что одинокая овца жует еду после того, как она отрыгнет ее изнутри.⁹⁴ Подобным образом та же метафора находится и у Климента Смолятича в его обсуждении чтения и учебы Св. Писания: «Или яже въ Ле-

⁸⁸ См. ПЛДР XII век / Ред. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. М., 1980. С. 518.

⁸⁹ Ср. Franklin S. Booklearning and Bookmen in Kievan Rus' A Survey of an Idea // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Т. 12/13. Р. 830–848, особенно 835–837.

⁹⁰ См. Понырко Н. В. Эпистолярное наследие. С. 124. Сам факт, что эти строчки отражают возможно, византийский троп эпистолярного стиля (ср. Franklin S. Sermons and Rhetoric. Р. LXXI), никак не означает, что они употреблялись «автоматически», ср. сн. 86.

⁹¹ Ср. Лихачев Д. С. Текстология. С. 74–75.

⁹² Ср. Leclercq J. The Love of Learning. Р. 72–73.

⁹³ Ср. Carruthers M. The Book of Memory. Р. 164–169.

⁹⁴ См. Feder W. R. Literature as a Kaleidoscope. Р. 607.

утитьских книгах о отрыгании ѣчь. Еда и то увѣдѣти тщеславие есть? Уча нас тѣх ради, како подобаетъ быти чистымъ. На двое дѣлящаго ради живота учить нас, да вторымъ рассуждение благѣй дѣяния отъ супротивнаго. Жующаго ради — яко да будемъ боголюбиви. Якоже бо жующии пищу отрыгаютъ, тако подобаетъ и намъ день и ночь помышляти Божия проповѣди».⁹⁵ Метафора о пчеле и меде, менее поразительная, но более приемлемая для вкуса современного читателя, в то же время является гораздо более сложной: она предлагает более широкое образование и изучение (так как пчела садится на многие разнородные цветы, что намекает на чтение многих и разных книг), она недвусмысленно относится к известному средневековому методу запоминания (пчела наполняет келью своих сот медом так же, как монах наполняет решетку своей памяти словами) и, одновременно, она включает в себе похожую метафору о медовой сладости (и пище) слов Св. Писания (ср. например, Пс. 118:103 и Притч. 16:24). Этой метафорой мы, таким образом, возвращаемся к отправной точке, т. е. к приятному аромату слова как функции его постоянного чтения вслух в монастырях, сознание вида или «вкуса», «жеваний» устами.⁹⁶ Более широкий, чем лишь топоним собирания, этот «пучок» метафор относится к целому процессу медитативного чтения и запоминания текстов.

Здесь должно отметить, что отдельные компоненты метафоры о пчеле и меде — словесная сладость, собирание нектара трудолюбивой пчелой, т. е. ссылки на чтение или составление текстов, часто появляются раздельно, на пергамене они не обязательно связаны друг с другом. Тем не менее они образуют, хотя и в раздельности, одну целостную совокупность, сильно напоминающую способы и методы монашеской учебы. Каждый элемент здесь относится к целому семантическому «пучку» мнемоническим образом. Так, в памятниках южнославянского или киевского происхождения мы можем найти только тему словесной сладости (обычно с ссылкой на Пс. 118:103) в призывах к изучению Св. Писания. Например, в «Прогласе», приписываемом большинством ученых Константину Философу (св. Кириллу, но некоторыми другими специалистами — ученику Мефодия, Константину Пресвитеру), читаем: «...оуста бо яже сладка не чюють, яко камена твореть ч[е]л[о]вѣка. паче же сего д[у]ша безбоуковна. мртва являет се въ ч[е]л[о]вѣ[ѣ]цѣхъ».⁹⁷ Подобным образом в «Слове нѣкоего калоугера о чытении книгъ», являющемся введением в «Изборникъ» 1076 г., мы читаем: «...тѣмъ же и похоули не пооучяюштя ся. гл[агол]я. прокляти оуклянюштеи ся отъ заповѣдѣи твоихъ. тѣмъ же и самъ ся похвали гл[агол]я: коль сладька словеса твоя паче меда оустомъ моимъ».⁹⁸ Также у Кирилла Туровского, в его «Повести... о бѣлоризцѣ челоуѣцѣ и о мнишьствѣ» встречается, правда, в несколько двусмысленном контексте, такой фрагмент: «Но вперите си разумѣи кричѣ и възлетимъ отъ губящаго ны грѣха. Възмѣмъ отъ книгъ пищу и рычѣмъ съ Давыдомъ: Коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меду устомъ моимъ».⁹⁹ Бывает, что мы встречаем лишь упоминание о пчелах, цветах и медовых сотах. Так, в записи «Изборника» 1073 г. мы читаем: «...яже акы бѣчела любодѣльна. съ всякого цвѣта псанию събравъ акы въ единъ сътъ. в вельмысльное ср[ѣд]ѣе свое. проливаетъ акы сътъ сладькъ. изъ оустъ сво-

⁹⁵ См. Поньирко Н. В. Эпистолярное наследие. С. 131

⁹⁶ Ср. Carruthers M. The Book of Memory. P. 38, Leclercq J. The Love of Learning. P. 73.

⁹⁷ См. Monumenta Serbocroatica. A Bilingual Anthology of Serbian and Croatian Texts from the 12th to the 19th Century / Ed. T. Butler. Ann Arbor 1980. P. 8.

⁹⁸ См. Изборник 1076 года. С. 155.

⁹⁹ См. Еремин И. П. Литературное наследие. С. 47.

ихъ прѣдъ боляры <...> и събора дѣля многочъстъныхъ б[о]ж[ь]ствныхъ кнѣгъ всѣхъ». ¹⁰⁰ Пример такого же рода находится в слове 17 «Пчель», «О любомудрии и о учении дѣтии» (не говоря даже о названии самой книги): «Якоже бчелоу видимъ по всѣмъ садомъ и зельемъ лѣтающе от ко-гождо ихъ полезная приемлюще, такоже и оу(но)ши оучащеса философи и на высоту м[оу]др[о]стью хотяще възити и отскудоу лоучыша сбирають». ¹⁰¹ Этот фрагмент рекомендует метод изучения, который был в то время характерен для монастырей.

Имея в виду название книги Ж. Леклерка «Любовь к знанию и желание Бога», можно сказать, что учеба и духовность являлись двумя нераздельными ипостасями средневекового монаха. ¹⁰² Неграмотная душа является мертвой в человеке, как и учеба без моления равняется передаче души дьяволу. Кирилл Туровский хорошо это понимал, когда он в своем «Слове... о арьгусѣ» рассказывал о пчеле-монахе, которая одновременно может совершить и аскетические, и книжные подвиги: «Нынѣ мнишьскаго образа трудолюбивая бчела свою мудрость показавши вся удивляеть; яко же бо они в пустынях самокормимъ живуще аньгелы и челоувѣкы удивляють, и си на цвѣты възлѣтаючи медвены сты стваряють, да челоувѣком сладость и церкви потребная подастъ». ¹⁰³

Обращаясь под конец к общему характеру рукописной книги и ее развитию как инструмента знания и учебы, заметим, что этот ее характер изменился в Западной и Центральной Европе, т. е. в католической ее части, в течение XIII в. в связи с возникновением там университетов. Часто тяжелые фолианты, хранящиеся, как правило, в монастырях (и церквях) и служащие главным образом целям медитации, изучению и запоминанию христианской веры при помощи цитат и отголосков из назидательной литературы, т. е. из Св. Писания и других церковных книг (особенно из сборников типа антологий), сменяются на Западе учебными пособиями более маленького формата, часто переписываемыми для нужд студентов (и профессоров) университетов. ¹⁰⁴ Такие изменения, очевидно, не произошли в Древней Руси; мы должны, однако, также иметь в виду, что не все сборники обязательно были именно «тяжелыми фолиантами» в древнерусских монастырях. Так, например, «Изборник» Святослава 1076 г. был на самом деле совсем маленькой рукописью. ¹⁰⁵

Из всего вышесказанного вытекает, по-нашему, что автора — или авторов (т. е. не только переписчиков) «данииловских» текстов, возникших на Руси в первой половине XIII столетия (если не раньше), надо искать не при княжеском дворе или в окружении какого-то князя или вельможи, включая

¹⁰⁰ См Симеонов сборник (по Светославия препис от 1073 г.) Т 1 Исследования и текст София, 1991 С 202 (ср также с 720—721) Новое болгарское издание «Изборника» Святослава 1073 г в трех томах является самым удовлетворительным с научной точки зрения

¹⁰¹ См Melissa S 167

¹⁰² Для невросемиотического подхода к проблеме двух монашеских гипостазов ср Ivanov V The Medieval Monastic Mind Right Versus Left Hemisphere // Elementa 1994 Т 1 Р 249—263 Интересные проблемы «диалога» между учебой и духовностью и «гетерографических» явлений, возникающие в связи с применением одного кода к описанию другого, нуждаются в дальнейшем исследовании

¹⁰³ См Еремин И П Литературное наследие С 63

¹⁰⁴ Относительно новой функции рукописной книги на Западе начиная с XIII в см Le Goff J Intellectuels au Moyen Âge 2-e ed Paris 1985 (англ пер — Oxford, 1993) Р 83—86 в частности 85

¹⁰⁵ Ср на Западе также обычно маленькие «книги часов» — livres des heures books of hours, Stundenbucher, употребляемые в высших кругах общества в том числе и при дворах еще до XIII в

и его дружину, а также не среди низших слоев древнерусского общества, в том числе ремесленников, или — как это предполагал наш глубокоуважаемый юбиляр — в скоморошней среде. Вообще существование некоего «Даниила», с которым можно было бы отождествлять автора наших текстов, кажется довольно сомнительным. Скорее, эти тексты, хотя они до известной степени типологически похожи на (но не непосредственно связаны) приблизительно современные им византийские произведения, возникли, вопреки ранее сделанным оговоркам, в монашеской (или иначе: духовно-книжной) среде, и они более всего напоминают назидательные антологии типа «Изборников» Святослава и, в частности, «Пчелы». Лишь поверхностно они были переделаны на лад посланий (жанра, широко распространенного в Древней Руси) или «молений», как раз этим и напоминая названные только что византийские произведения (Федора Продрома или «Птохо-Продрома» и Михаила Глики). В этой связи следует, однако, отметить, что, в то время как греческие тексты — стихотворные, и «Слово» и «Моление Даниила Заточника» являются памятниками, написанными прозой, хотя и прозой частично весьма украшенной, что касается и ее звучания и ее значения. Таким образом, наши тексты не только изобилуют многими метафорами, метонимиями и другими риторическими фигурами (не чуждыми, кстати сказать, и назидательной прозе) но, хотя они и не рифмованы или строфически устроены, в них, как отмечено раньше, встречаются ассонансы и аллитерации, как, например, в известном участке: «...кому Переславль, а мнѣ гореславль; кому Боголюбиво, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣ смоль; кому Лаче озеро, а мнѣ <...> плачь...». Тем не менее мы, видимо, не можем считать «Слово» и «Моление» поэтическими произведениями в узком, формальном понимании, поддающимися «изокольному» анализу (в смысле Р. Пиккио), как это пытались доказать их итальянские издатели (и ученики Пиккио), М. Колуччи и А. Данти, и против чего раньше высказался один из соавторов настоящей статьи.¹⁰⁶

Не может быть никакого сомнения, что «данииловские» тексты отражают высокую степень учения и образования в Древней Руси. В Западной и Центральной Европе средних веков, достигшей в этот период даже более высокого уровня культурного развития, такое образование можно было найти (и получить) лишь в двух средах: в монашеской (или, более широко говоря, духовной) и в университетских средах, но едва ли в больших городах как таковых (т. е. вне академических учреждений), как об этом недавно говорил известный французский медиевист Ж. Ле Гофф.¹⁰⁷ В домонгольской и раннемонгольской Руси вообще не было еще больших городов, кроме Киева, Новгорода и, может быть, Пскова, так что этот аргумент (французского ученого) попросту отпадает.¹⁰⁸ В этот период на Руси не было ника-

¹⁰⁶ Ср. Daniil Zatočnik Slovo e Molenie P 133—134, см. участок из «Моления» в более поэтическом виде, с 178. Аналогично можно заметить, что также в фольклорном тексте «о горе-горянии, Даниле-дворянине» есть некоторые строчки ритмизированной прозы: «Горе-горянии, Даниле-дворянин — жил он у семи попов по семи годов, не выжил он ни слова гладкого, ни хлеба мягкого». Ср. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева Т. 3 С. 278. Это, конечно, чисто типологическая параллель без всяких генетических связей. Относительно предполагаемых «просодических скандирований» наших «данииловских» текстов ср. Daniil Zatočnik Slovo e Molenie P 195—243, см. также более раннюю работу Colucci M. Le strutture prosodiche dello «Slovo Danila Zatočnika» // Ricerche Slavistiche 1973/74 Т. 20/21 P. 88—124. Возражения против этого подхода ср. Birnbaum H. Essays P. 267—268 и 272—274.

¹⁰⁷ Ср. Le Goff J. Intellectuels.

¹⁰⁸ По поводу городских центров Древней Руси в сравнительном плане см. в особенности Birnbaum H. Kiev, Novgorod, Moscow. Three Varieties of Urban Society in East Slavic Territory // Urban Society of Eastern Europe in Premodern Times. Berkeley, Los Angeles, London, 1987 P. 1—62, особенно 1—3 и 6—7.

ких (светских) университетов или других учреждений высшего образования, в отличие (не выходя за пределы православного мира) от императорской высшей школы в Константинополе. Конечно, на Западе — в Италии (Салерно, Болонья, Падуя), Франции (Париж, Монпелье), Англии (Оксфорд, Кембридж) — такие университеты уже существовали или возникли в течение XII—XIII вв. В славянском мире первые университеты появились в XIV в. (Прага в 1347/48 г., Краков в 1364—1400 гг.). Остается поэтому только монашеская — или, шире, духовная — среда возникновения «Слова Даниила Заточника» (а также его переделки на основе одного или некоторых из вышеуказанных антологических истоков). Вот где мы должны искать и его автора — и ввиду таких более поздних переделок, как «Моление Даниила Заточника», их авторов и переписчиков.

Мы очень признательны нашему коллеге А. Л. Осповату за ряд стилистических предложений для усовершенствования текста настоящей статьи